

Новые модели экономического роста: эндогенное ядро, институциональная оболочка, фильтры качества*

Бессонова Е. А.

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация;
bessonowa_new@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается трансформация теоретических и прикладных подходов к исследованию экономического роста в условиях цифровизации и устойчивого развития. Актуальность работы обусловлена необходимостью перехода российской экономики к новой модели роста, ориентированной на качество, инновации и человеческий капитал. Современные вызовы глобальной конкуренции, технологической перестройки и институциональной неопределенности требуют переосмысления традиционных источников экономического роста и выработки комплексных методологических решений.

Цель — разработать теоретико-методологическую основу новой модели экономического роста, соответствующей современным вызовам цифровой трансформации и устойчивого развития.

В исследовании использованы методы анализа и синтеза, системного и структурно-функционального подходов, сравнительного и статистического анализа. Эмпирическая часть опирается на данные официальной статистики. Применение системного анализа позволило сформировать концептуальную схему «ядро — оболочка — фильтры качества», отражающую взаимосвязь эндогенных, институциональных, цифровых и экологических факторов роста.

Проведена систематизация современных моделей экономического роста и выделены ключевые направления их эволюции — от экзогенных к эндогенным и институциональным концепциям. Установлено, что ядром современных моделей выступают знания, инновации и человеческий капитал; институциональная оболочка задает условия реализации потенциала этих факторов, а фильтрами качества служат экологическая устойчивость, социальная инклюзивность и цифровая трансформация. Эмпирический анализ российской экономики подтвердил актуальность перехода от экстенсивного к инновационно-цифровому типу роста, ориентированному на повышение производительности, технологическое обновление и развитие человеческого потенциала.

Формирование новой модели экономического роста для России требует интеграции цифровых, институциональных и человеческих факторов в единую стратегию развития. Приоритетным направлением должно стать повышение качества человеческого капитала, стимулирование инноваций, укрепление институтов и создание условий для устойчивого технологического развития. Переход к такой модели позволит обеспечить долгосрочную конкурентоспособность и устойчивость российской экономики, а также реализовать концепцию качественного роста, в которой ключевыми ориентирами выступают производительность, социальное благополучие и экологическая сбалансированность.

Ключевые слова: цифровизация, человеческий капитал, инновации, институциональная среда, устойчивое развитие.

Для цитирования: Бессонова Е. А. Новые модели экономического роста: эндогенное ядро, институциональная оболочка, фильтры качества // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 35–52. EDN VTUUT

* Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2025 год №075-03-2025-526.

New Models of Economic Growth: Endogenous Core, Institutional Shell, and Quality Filters

Elena A. Bessonova

Southwest State University, Kursk, Russian Federation; bessonowa_new@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the transformation of theoretical and applied approaches to the study of economic growth in the context of digitalization and sustainable development. The relevance of the study is determined by the need for the Russian economy to transition to a new growth model focused on quality, innovation, and human capital. The current challenges of global competition, technological restructuring, and institutional uncertainty require a rethinking of traditional sources of economic growth and the development of a comprehensive methodological framework.

To develop a theoretical and methodological foundation for a new model of economic growth that corresponds to the contemporary challenges of digital transformation and sustainable development.

The research employs methods of analysis and synthesis, systemic and structural-functional approaches, as well as comparative and statistical analysis. The empirical part is based on official statistical data. The application of a systemic approach made it possible to construct a conceptual framework — the “core — shell — quality filters” model — reflecting the interrelation between endogenous, institutional, and digital, and environmental factors of growth.

The study systematizes modern models of economic growth and identifies the key directions of their evolution — from exogenous to endogenous and institutional concepts. It is established that the core of modern models consists of knowledge, innovation, and human capital; the institutional shell determines the conditions for realizing their potential; and the quality filters represent ecological sustainability, social inclusiveness, and digital transformation. The empirical analysis of the Russian economy confirms the relevance of shifting from an extensive to an innovation-driven and digital type of growth focused on productivity enhancement, technological renewal, and human potential development.

The formation of a new model of economic growth in Russia requires the integration of digital, institutional, and human factors into a unified development strategy. Priority should be given to improving human capital quality, stimulating innovation, strengthening institutions, and creating conditions for sustainable technological advancement. The transition to such a model will ensure the long-term competitiveness and stability of the Russian economy and promote the concept of qualitative growth based on productivity, social well-being, and ecological balance.

Keywords: digitalization, human capital, innovation, institutional environment, sustainable development.

For citation: Bessonova E. A. New Models of Economic Growth: Endogenous Core, Institutional Shell, and Quality Filters // Administrative Consulting. 2026. N 1. P. 35–52. EDN VTIYUT

Введение

В условиях глобальных технологических, экологических и институциональных трансформаций необходимость перехода к новой модели экономического роста становится не только предметом научных дискуссий, но и императивом государственной политики. В российском экономическом дискурсе не вызывает сомнений актуальность этой задачи, однако остается открытым вопрос о том, какие характеристики должна включать новая модель и как она может быть реализована на практике.

Долгое время экономический рост рассматривался преимущественно как количественное увеличение валового внутреннего продукта (ВВП). Однако в современных условиях становится очевидным, что количественные параметры без качественных изменений — в сфере институтов, человеческого капитала, инноваций и экологической устойчивости — не обеспечивают долгосрочного развития.

В мировой литературе растет число исследований, анализирующих влияние цифровой трансформации на качество и эффективность роста. Так, по результатам исследования Z. Chen, R. Xing, цифровизация способствует повышению «высококачественного

развития» городов Китая за счет усиления инновационного потенциала и роста производительности [21].

Аналогичные выводы делает коллектив авторов Q. Zhang, P. Wu, R. Li, A. Chen, показав, что цифровая трансформация увеличивает эффективность использования ресурсов и снижает транзакционные издержки [28, с. 667].

В то же время институциональные и экологические факторы становятся ключевыми «фильтрами качества» роста. С. Grazini, G. Guarini, J. G. Porcile отмечают, что институциональные механизмы в условиях зеленых переходов способны как ускорять, так и тормозить структурную трансформацию экономики [22, с. 354]. Более того, устойчивость цифровой трансформации напрямую зависит от качества институциональной среды — политики в области регулирования данных, защиты персональной информации и координации инноваций [26].

В экономической науке категория «экономический рост» занимает центральное место и традиционно трактуется как количественное приращение совокупного общественного продукта или национального дохода за определенный период времени. Одним из первых к разграничению понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» обратился Й. Шумпетер. Он указывал, что экономический рост — это количественное положительное изменение производства и потребления, а экономическое развитие — качественное. Ученый подчеркивал, что в государстве, где наблюдается экономический рост, товары и денежные средства проходят свой путь привычным образом, в отличие от экономического развития, которое связано с инновациями и появлением новых отраслей [25]. Таким образом, Й. Шумпетер заложил основу понимания роста как количественной категории, а развития — как качественной.

В современной экономической науке экономический рост рассматривается как процесс увеличения объемов производства и потребления, характеризующий переход экономики на новый уровень эффективности и продуктивности. Он является фундаментом общественного благосостояния и одним из главных индикаторов результативности функционирования экономики [6, с. 2555].

По мнению М. Э. Буяновой и И. С. Авериной, экономический рост представляет собой одновременно количественное увеличение и качественное преобразование общественного продукта в долгосрочной перспективе [5]. Подобная трактовка подчеркивает, что рост тесно связан с динамикой уровня жизни населения, платежеспособностью, реальными доходами и эффективностью использования ограниченных ресурсов.

Д. Е. Сорокин и другие отечественные исследователи подчеркивают, что рост является необходимым, но не достаточным условием развития. Он может сопровождаться не только положительными, но и отрицательными факторами — ухудшением экологии, снижением качества продукции или социальной дифференциацией. Экономическое развитие предполагает устранение подобных дисбалансов и переход к новому уровню организации производительных сил и общественных отношений [18, с. 7].

Как отмечают Б. Д. Бабаев и С. П. Дубровский, экономический рост следует рассматривать как промежуточную стадию воспроизводственного процесса, в то время как развитие представляет собой движение к повышению общественного благосостояния [2, с. 34–36]. Вследствие этого рост может происходить и без развития, если количественные показатели производства не сопровождаются улучшением качества жизни, институциональной среды и человеческого капитала [7, с. 15].

Таким образом, в современной научной литературе понятие «экономический рост» трактуется не только как количественное расширение масштабов производства, но и как качественное совершенствование факторов, обеспечивающих долгосрочное

развитие национальной экономики. В этом заключается отличие современных подходов от классических теорий, ограничивавших анализ исключительно сферой материального производства.

Материалы и методы

В исследовании применены методы анализа и синтеза, системного и сравнительного подходов, структурно-функционального и статистического анализа. Они позволили проследить эволюцию теорий экономического роста и выявить взаимосвязи между человеческим капиталом, инновациями, институтами и цифровыми технологиями. Системный анализ использован для построения концептуальной схемы «ядро — оболочка — фильтры качества», отражающей современную структуру моделей роста. Эмпирическая часть основана на статистических данных Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), что обеспечило сопоставление теоретических положений с реальными тенденциями развития российской экономики.

Результаты и обсуждение

Современным социально-экономическим реалиям соответствует расширительное толкование экономического роста, в рамках которого он понимается как единство экономического и социального начал. Экономическая составляющая отражает производство общественного продукта, а социальная — степень его трансформации в общественное благосостояние. Иными словами, рост приобретает смысл только тогда, когда количественные изменения в производстве обеспечивают качественные улучшения условий жизни населения.

В этом контексте экономический рост следует рассматривать не как самоцель, а как инструмент устойчивого и инклюзивного развития, обеспечивающий баланс между эффективностью, справедливостью и экологической устойчивостью. Рост должен сопровождаться снижением социальных дисбалансов, развитием человеческого капитала, сохранением природного потенциала и укреплением институциональных основ экономики. Такое понимание соответствует концепции качественного роста, активно обсуждаемой в современной научной литературе.

Авторская позиция заключается в том, что экономический рост следует понимать как интегративную категорию, объединяющую количественные и качественные, экономические и социальные характеристики, а его конечной целью является формирование устойчивого и справедливого общественного благосостояния. Подобная трактовка позволяет расширить аналитические возможности исследования и переосмыслить саму природу роста как формы гармоничного взаимодействия экономики, общества и человека.

В рамках настоящего исследования мы используем расширительную трактовку экономического роста как процесса количественного и качественного увеличения производственных возможностей, направленного на рост общественного благосостояния при минимизации негативных социально-экономических и экологических факторов (рис. 1).

Представленная модель отражает расширенное понимание экономического роста как единства экономического и социального начал. Экономическая составляющая выражает процесс производства и приращения общественного продукта, а социальная — его трансформацию в общественное благосостояние. Качество экономического роста определяется степенью полноты и результативности этой трансформации, а конечной целью выступает устойчивое и инклюзивное развитие общества.

Рис. 1. Интегративная модель экономического роста

Fig. 1. Integrative model of economic growth

Источник: составлено автором.

Переходя от дефиниций к формализациям, рассмотрим классические модели, которые задали методы измерения источников количественного роста и выявили роль научно-технического прогресса (НТП) в долгосрочной динамике.

Одной из первых количественных моделей стала модель Харрода — Домара, в которой центральное место занимает взаимосвязь между уровнем инвестиций и темпами роста национального продукта. Согласно этой теории, инвестиции выступают ключевым фактором расширенного воспроизводства, а через механизм мультипликатора обеспечивают рост доходов и занятости [9, с. 205].

Существенный вклад в развитие теории роста внесла неоклассическая модель Солоу — Свона. В отличие от кейнсианских конструкций Харрода — Домара, в ней учитываются три ключевых фактора — капитал, труд и технический прогресс, трактуемый как экзогенный параметр. В основе модели лежит производственная функция Кобба — Дугласа, которая позволила количественно описать взаимосвязь между трудом, капиталом и выпуском продукции [15, с. 8].

Дальнейшее развитие классических идей привело к появлению модификаций неоклассической модели, направленных на преодоление ее ограничений. Наиболее известной стала модель Мэнкью — Ромера — Вэйла, в которой в качестве самостоятельного фактора был введен человеческий капитал. Это позволило объяснить межстрановые различия в темпах роста и подчеркнуть значение образования и квалификации трудовых ресурсов. В дальнейшем исследователи расширили модель Солоу с учетом демографических процессов, межпоколенческого распределения ресурсов и структуры сбережений, что сделало ее более адаптируемой к анализу реальных экономических систем [11].

Несмотря на значительные достижения, классические модели экономического роста обладают рядом ограничений. Они исходят из предположения о стабильных

институциональных условиях и игнорируют влияние человеческого капитала, качества институтов, экологии и инновационной активности. Эти модели акцентируют внимание на накоплении факторов производства, но слабо объясняют механизмы их качественного обновления. Именно осознание данных ограничений стало основой для формирования новых (эндогенных) теорий роста, в которых ключевое значение приобретают знания, инновации, человеческий капитал и институциональная среда.

Новый этап теоретической эволюции наступил, когда в рамках так называемой новой теории экономического роста (New Growth Theory) были заложены основы эндогенного объяснения экономического развития.

Современная литература трактует переход к эндогенным моделям как попытку преодолеть ограниченность экзогенных подходов, где технический прогресс задался извне. В фокусе — внутренние источники роста: человеческий капитал, инновации, НИОКР и механизмы диффузии знаний, формирующие положительные внешние эффекты и поддерживающие долгосрочную производительность. Обзор новейших работ по эволюции теорий роста подчеркивает смещение акцента к «нематериальным» драйверам (знания, управленческие и организационные практики, данные), которые меняют экономику отдачи от масштаба и устойчивость траектории роста. Для российской повестки это особенно важно, поскольку качество человеческого капитала и инновационной среды выступает уже не дополнительным, а системообразующим условием развития [14].

Как подчеркивает А. А. Акаев, циклы технологического обновления, описанные Н. Д. Кондратьевым и развитие в современной инновационно-циклической модели, позволяют рассматривать технологические сдвиги как внутренний источник устойчивого роста. Переход к новым технологическим укладам требует накопления человеческого капитала и инвестиций в НИОКР, что обеспечивает эндогенное ускорение роста и формирует предпосылки для качественной трансформации экономики [1, с. 14].

Во-первых, человеческий капитал — ядро эндогенного роста. Российские исследования 2024–2025 гг. показывают, что его структура (образование и навыки, здоровье, мотивация, мобильность) прямо связана с формированием инновационной экономики и устойчивой динамикой производительности. Тематические обзоры фиксируют: без улучшения качества человеческого капитала невозможно обеспечить ни технологическое обновление, ни трансфер знаний между секторами и регионами [10, с. 166; 13; 17, с. 57].

На глобальном уровне эту логику институционализирует Human Capital Project Всемирного банка: страны, системно инвестирующие в человеческий капитал, демонстрируют более высокие долгосрочные потенциалы роста и устойчивости, что делает политику HCI (Human Capital Index) важным ориентиром и для национальных стратегий¹.

Эндогенные модели переводят повестку роста из плоскости «накопления факторов» в плоскость управления знаниями: человеческий капитал, НИОКР, цифровые технологии и институциональная среда становятся главными детерминантами ТФП (тотальной факторной производительности) и долгосрочной устойчивости.

Институциональные подходы подчеркивают, что не само наличие факторов производства, а эффективность институтов и качества управления определяют, насколько эти факторы будут преобразованы в устойчивый рост. Правовая защита собственности, надежность судебной системы, конкурентные правила, администрирование и регуляторная среда — все эти компоненты создают либо препятствия, либо стимулы для инновационной активности, предпринимательства и накопления знаний.

¹ Human Capital Project // Сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital?utm_source (дата обращения: 20.10.2025).

В российской действительности институциональные различия между регионами сильно коррелируют с уровнем инновационного развития и экономической динамикой. Так, исследование *Innovative Development of Russian Regions: Assessment and Dynamics in the Context of Sustainable Development* (Инновационное развитие российских регионов: оценка и динамика в контексте устойчивого развития) показывает, что субъекты РФ с более развитой инновационной инфраструктурой и лучшими регуляторными условиями существенно опережают в росте другие регионы [27]. Это говорит о том, что институциональная среда оказывает прямое влияние на инновационную динамику, а через нее — на устойчивость роста.

Современные теории экономического роста развиваются в направлении комплексных моделей, которые учитывают не только производственные факторы, но и технологические, экологические и социальные детерминанты. Параллельно с эндогенными и институциональными подходами укрепились концепции, отражающие влияние цифровой трансформации, искусственного интеллекта и экологических ограничений на устойчивость роста.

Цифровая экономика и искусственный интеллект, интегрируемые в производственные и сервисные цепочки, изменяют структуру издержек, повышают предельную производительность и усиливают отдачу от знаний. В отечественной литературе цифровая трансформация рассматривается как самостоятельный фактор роста, усиливающий эндогенные каналы развития. Тем самым новейшие модели не заменяют классические, а надстраиваются над ними, уточняя характер и качество роста через технологические и экологические ограничения.

Как отмечается в отчете *OECD Digital Economy Outlook 2024*, сектор информационно-коммуникационных технологий в 2023 г. продемонстрировал средний темп роста 7,6 % среди стран ОЭСР, что подтверждает его ключевую роль в формировании инновационной динамики и приросте производительности².

Исследования *OECD Ecoscore* подчеркивают, что координированная политика цифровизации, направленная на сокращение разрыва между технологическими лидерами и отстающими фирмами, способствует ускорению совокупного роста производительности³.

Кроме того, в отчете *OECD Unlocking Productivity with Generative AI* указывается, что генеративный искусственный интеллект способен повышать эффективность выполнения рутинных задач на 5–25 %, особенно среди работников с базовым уровнем квалификации, тем самым усиливая инклюзивный потенциал цифрового роста⁴.

В продолжение этой логики международные организации предлагают рассматривать цифровые, технологические и экологические факторы как неотъемлемые компоненты качественного роста. В последние годы в научной и практической плоскости укрепляется концепция *Beyond GDP*, ориентированная на измерение качества роста и реального общественного прогресса. Как подчеркивает ОЭСР, оценка эффективности государственной политики должна учитывать не только

² Growth of digital economy outperforms overall growth across OECD // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/05/growth-of-digital-economy-outperforms-overall-growth-across-oecd.html?utm_source (дата обращения: 20.10.2025).

³ Christophe André, Manuel Béтин, Peter Gal and Paul Peltier. Developments in Artificial Intelligence markets: New evidence on model characteristics, prices and providers [Электронный ресурс]. URL: https://oecdscope.blog/category/digitalisation/?print=print-search&utm_source (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ Unlocking productivity with generative AI: evidence from experimental studies // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/blogs/2025/07/unlocking-productivity-with-generative-ai-evidence-from-experimental-studies.html?utm_source (дата обращения: 20.10.2025).

объем производства, но и благосостояние населения, уровень неравенства и состояние природного капитала.

Современные процессы цифровой трансформации требуют не просто внедрения технологий, а формирования новой архитектуры социально-экономических систем, основанной на стратегическом управлении и интеграции цифровых решений во все уровни хозяйственной деятельности. Как отмечает Д. М. Журавлев, цифровизация становится системным фактором, определяющим не только технологические, но и институциональные параметры развития, а успешная цифровая трансформация возможна лишь при опоре на междисциплинарный подход и учете взаимосвязей между наукой, экономикой и управлением [8, с. 40].

Новейшие модели экономического роста объединяют цифровые, экологические и социальные измерения, формируя парадигму качественного и инклюзивного развития. Их ключевая идея — переход от узкоэкономической логики количественного расширения к многофакторной системе, где благосостояние человека, технологическое обновление и сохранение природного капитала рассматриваются как взаимосвязанные цели экономической политики.

В эволюции экономической мысли прослеживается переход от моделей, ориентированных на накопление физических ресурсов, к комплексным подходам, в которых человеческий капитал, институты и эколого-технологические фильтры определяют качество и устойчивость роста.

Для России эта схема особенно значима, так как подразумевает формирование интегрированной модели роста, где эндогенное «ядро» (знания и инновации) дополняется институциональной «оболочкой» (эффективное управление и правила игры) и «фильтрами качества» (цифровая и зеленая повестка). Визуально эта логика может быть представлена в виде структурно-логической схемы (рис. 2).

Предлагаемая схема агрегирует выводы: эндогенное ядро (знания/НИОКР), институциональная оболочка («правила игры») и фильтры качества (цифра/экология/инклюзия).

Ядро моделей формируют эндогенные конструкции, в которых экономический рост определяется внутренними источниками — человеческим капиталом, знаниями, инновациями и исследовательской активностью. Эмпирические исследования подтверждают, что именно инновации и человеческий капитал обеспечивают долгосрочную устойчивость роста [23].

Институциональная оболочка задает рамочные условия, определяющие эффективность реализации внутренних факторов. Ключевое значение приобретают

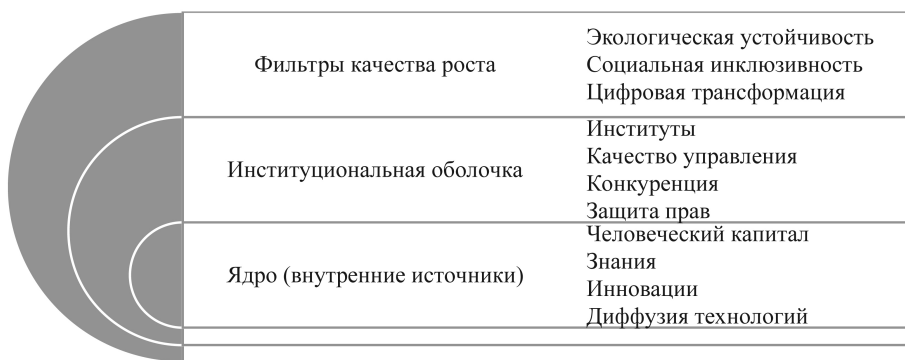

Рис. 2. Структурно-логическая схема современных моделей экономического роста

Fig. 2. Structural and logical diagram of modern models of economic growth

Источник: составлено автором.

качество институтов, уровень управления, степень конкуренции и защищенность прав собственности. Именно институциональная структура формирует стимулы и ограничения, влияющие на поведение экономических агентов [16]. Подобной позиции придерживаются и зарубежные исследователи, подчеркивая, что связь между институтами и человеческим капиталом носит причинно-следственный характер: устойчивый рост невозможен без инклюзивных институтов [20].

Фильтры качества роста обеспечивают оценку устойчивости и направленности экономических процессов через призму экологии, социальной инклюзивности и цифровой трансформации. Экологическая и социальная устойчивость становится необходимыми условиями долгосрочного развития [4; 5]. К этому направлению примыкают модели «зеленого» и цифрового роста, отражающие новые приоритеты глобальной экономики. Так, в исследовании X. Lin [24] доказано, что «инновационный человеческий капитал» является ключевым драйвером «зеленого» роста, а его взаимодействие с цифровыми технологиями создает мультипликативный эффект устойчивости.

Таким образом, совокупность современных моделей роста может быть представлена как интегрированная система, где эндогенные факторы (ядро), институциональные условия (оболочка) и эколого-технологические фильтры образуют взаимосвязанную конструкцию. Для России приоритетным направлением выступает формирование комбинированной модели, включающей инвестиции в человеческий капитал и НИОКР, совершенствование институтов и переход к «зеленой» и цифровой экономике. Такой подход позволяет преодолеть зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков и обеспечить переход к качественному, устойчивому типу роста.

Эмпирический анализ структурных характеристик российской экономики позволяет оценить, как трансформируются источники экономического роста в условиях цифровизации, санкционных ограничений и технологической перестройки.

Развитие человеческого капитала выступает ключевым условием качественного и инклюзивного экономического роста. Динамика представленных в табл. 1 показателей свидетельствует о постепенном повышении доходов населения и росте занятости при одновременном снижении безработицы.

Среднедушевые денежные доходы увеличились с 30,1 тыс. руб. в 2015 г. до 63,1 тыс. руб. в 2024 г., а среднемесячная заработная плата — почти в 2,5 раза, достигнув 89 тыс. руб. К 2024 г. уровень занятости вырос до 67,2 %, при снижении безработицы до 2,5 %, что отражает восстановление рынка труда после пандемийных и санкционных шоков.

Отдельного внимания заслуживает показатель численности высокопроизводительных рабочих мест, который за рассматриваемый период увеличился с 16,8 до 26,0 млн единиц, что указывает на постепенную структурную модернизацию экономики и повышение эффективности занятости. Вместе с тем, как отмечают Е. В. Базуева и О. В. Буторина, качественные характеристики человеческого капитала — уровень образования, инновационная активность и профессиональная мобильность — остаются неравномерными между регионами, что сдерживает формирование единого инновационного пространства страны [3].

Анализ данных табл. 2 показывает, что в 2015–2024 гг. научно-технологическое развитие России сохраняло стабильный, но инерционный характер. Доля внутренних затрат на исследования и разработки оставалась в пределах 0,9–1,1 % ВВП, что существенно ниже уровня технологически развитых стран. Число организаций, выполняющих научные исследования, колебалось в диапазоне около 4,1 тыс., а численность исследователей — в пределах 670–740 тыс. человек, демонстрируя тенденцию к сокращению занятости в научной сфере.

Отдельного внимания заслуживает динамика патентной активности и внедрения новых технологий. Количество российских патентов, зарегистрированных на 1 млн

Динамика показателей, характеризующих развитие человеческого капитала в России в 2015–2024 гг.

Table 1. Dynamics of indicators characterizing the development of human capital in Russia in 2015–2024

Показатель	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц	30 140	33 138	35 233	35 934	39 934	47 386	53 579	63 090
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций, руб.	34 030	43 724	47 867	51 344	57 244	65 338	74 854	89 069
Уровень занятости, %	65,3	65,4	64,7	63,4	64,6	65,2	66,3	66,3
Уровень безработицы, %	5,6	4,8	4,6	5,8	4,8	4,0	3,2	2,5
Число высокопроизводительных рабочих мест (тыс. ед., значение показателя за год)	16 782	19 638	20 733	21 947	22 611	22 862	24 125	25 959

Источник: составлено автором по данным ФСГС⁵.

человек, снизилось с 153,9 в 2015 г. до 111,2 в 2024 г., а доля новых технологий в общем объеме разработок — с 12,5% до 9,9%, что отражает снижение интенсивности технологических прорывов (с 52,5 до 47,9 человек), что указывает на недостаточный приток кадров в сферу науки. Вместе с тем расходы федерального бюджета на гражданскую науку увеличились почти на 30%, достигнув 549,6 млрд руб., что свидетельствует о попытках государства стабилизировать научную базу и поддержать прикладные исследования⁶.

По мнению А. Л. Куличихиной, формирование технологического суверенитета России требует наращивания инвестиций в НИОКР и развития механизмов коммерциализации разработок, так как без расширения инновационного сектора экономика не сможет обеспечить долгосрочный рост производительности [12].

Представленные в табл. 3 данные позволяют оценить динамику инновационной активности российской экономики за последние годы. В целом уровень инновационной активности организаций колебался в диапазоне 9–13%, что свидетельствует о сдержанном характере инновационного обновления. Отметим, что в 2017 г. была изменена методика расчета данного показателя. После снижения в 2020–2021 гг. наблюдается умеренный рост показателя — до 12,5% в 2024 г., что может быть связано с активизацией государственных мер поддержки технологического развития и цифровизации промышленности.

⁵ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/?http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

⁶ Там же.

Таблица 2

Показатели, характеризующие развитие науки в Российской Федерации 2015-2024 гг.

Table 2. Indicators characterizing the development of science in the Russian Federation 2015–2024

Показатель	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП, %	1,1	1,0	1,0	1,1	1,0	0,9	0,9	1,0
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед.	4 175	3 950	4 051	4 175	4 175	4 195	4 125	4 157
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, тыс. человек	738,9	682,6	682,5	679,3	662,7	669,9	670,6	675,7
Число патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 миллион человек населения, ед.	153,9	139,8	137,1	117,5	103,1	104,5	115,8	111,2
Удельный вес принципиально новых технологий, в общем числе разработанных передовых производственных технологий, %	12,5	11,6	13,4	10,1	11,9	11,7	12,1	9,9
Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике, человек	52,5	48,6	49,0	49,8	48,0	47,8	46,7	47,9
Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млрд. руб.	425,3	437,3	439,4	402,7	377,9	420,5	489,2	549,6

Источник: составлено автором по данным ФСГС⁷.

Доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженной продукции оставалась после 2018 г. на уровне 5–6%, при этом в промышленности показатель был несколько выше — около 6,3% в 2024 г. Несмотря на сохранение позитивной динамики, доля инновационной продукции остается невысокой. Удельный вес затрат на инновационную деятельность в ВВП в 2024 г. составил 2,2%, что лишь незначительно превышает уровень 2015 г.⁸

Более существенный рост отмечен по показателю удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, — с 8,3% в 2015 г. до 24,5% в 2024 г. Отметим, что в 2017 г. была изменена методика расчета данного показателя. Тенденция роста частично обусловлена изменением методики расчета, а также может свидетельствовать о постепенном расширении инновационного контура

⁷ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/?http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

⁸ Там же.

Показатели инновационной активности организаций в России в 2015–2024 гг.

Table 3. Indicators of innovative activity of organizations in Russia in 2015–2024

Показатель	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Уровень инновационной активности организаций, %	9,3	12,8	9,1	10,8	11,9	11,0	11,3	12,5
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	8,4	6,5	5,3	5,7	5,0	5,1	6,0	6,0
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, %	7,9	6,0	6,1	6,4	5,5	5,5	6,2	6,3
Удельный вес затрат на инновационную деятельность в ВВП, %	1,4	1,4	1,8	2,0	1,8	1,7	2,0	2,2
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %	8,3	19,8	21,6	23,0	23,0	22,8	22,7	24,5

Источник: составлено автором по данным ФСГС⁹.

экономики, прежде всего за счет внедрения цифровых решений, автоматизации производственных процессов и роста спроса на ИТ-услуги. Однако, как подчеркивает В. С. Усков, высокая доля инновационно активных предприятий пока не конвертируется в сопоставимое увеличение доли инновационной продукции в ВВП, что указывает на ограниченную отдачу инновационных вложений [19]¹⁰.

Анализ представленных в табл. 4 данных позволяет констатировать, что за 2015–2024 гг. в России наблюдается устойчивое распространение цифровых технологий в хозяйственной деятельности. Почти все организации используют персональные компьютеры — более 76 % в 2024 г., однако доля предприятий, активно применяющих цифровые каналы взаимодействия, остается ниже уровня развитых экономик. Так, наличие собственных веб-сайтов отмечено у почти половины организаций (49,5 %), что указывает на постепенное развитие цифровой инфраструктуры, но также на сохраняющееся технологическое неравенство между секторами.

Доля организаций, имеющих широкополосный доступ к интернету, превышает 70%, демонстрируя высокий уровень базовой цифровой готовности. Вместе с тем по показателям интенсивности цифрового участия персонала прогресс менее выражен: только 54% работников используют компьютеры не реже одного раза в неделю, а доля сотрудников, применяющих интернет в рабочих целях, составляет около

⁹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/?http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁰ Там же.

Таблица 4

Показатели цифровизации организаций в России в 2015–2024 гг.

Table 4. Digitalization indicators of organizations in Russia in 2015–2024

Показатель	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Удельный вес организаций, использовавших персональные компьютеры, %	92,3	94,0	93,5	80,7	81,8	79,6	78,6	76,8
Организации, имевшие веб-сайт, %	42,6	50,9	51,9	44,3	46,2	45,6	46,5	49,5
Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, %	79,5	86,5	86,6	58,1	75,6	74,1	72,9	71,9
Доля работников организаций, использовавших персональные компьютеры не реже 1 раза в неделю, в общей численности работников списочного состава организаций, %	40,7	45,1	45,0	49,7	50,9	52,4	53,2	54,2
Доля работников организаций, использовавших Интернет не реже 1 раза в неделю, в общей численности работников списочного состава организаций, %	28,9	34,5	35,4	40,3	41,9	43,3	44,9	46,3

Источник: составлено автором по данным ФСГС¹¹.

46 %, что отражает ограниченное проникновение цифровых навыков на уровне трудовых коллективов.

Как отмечает В. С. Усков, цифровая трансформация российских регионов протекает неравномерно, что связано с различиями в уровне инфраструктурной обеспеченности, кадрового потенциала и цифровой культуры организаций [19]¹².

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная российская экономика находится в состоянии структурной адаптации к новым технологическим и институциональным условиям.

В сфере человеческого капитала наблюдается рост номинальных доходов и заработной плат, снижение безработицы и расширение занятости, что формирует социальную устойчивость.

Научно-инновационная сфера демонстрирует инерционный характер развития: доля внутренних затрат на исследования и разработки составляет около 1% ВВП, а уровень инновационной активности организаций не превышает 13%. Несмотря на отдельные позитивные сдвиги в цифровом секторе, потенциал научно-технического прогресса реализуется не в полной мере.

Цифровизация хозяйственной деятельности развивается поступательно: более 70% организаций имеют доступ к интернету и около половины — собственные веб-сайты. Однако цифровая зрелость предприятий остается неравномерной,

¹¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/?http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

¹² Там же.

а вовлеченность работников в использование цифровых инструментов — ограниченной.

В совокупности результаты анализа подтверждают, что российская экономика находится на переходном этапе — от экстенсивной модели роста к инновационно-цифровой, требующей структурного перезапуска. Основными направлениями такого перехода должны стать: повышение эффективности инвестиций, углубление технологической модернизации, развитие человеческого и цифрового капитала, а также формирование институциональной среды, способствующей коммерциализации знаний и инноваций.

Выводы

Проведенное исследование показало, что современная экономическая теория переживает переход от классических и неоклассических моделей роста, опиравшихся на накопление капитала и экзогенный технический прогресс, к комплексным концепциям, учитывающим внутренние источники развития — знания, инновации, человеческий капитал и качество институтов. Эндогенные, институциональные и цифровые подходы формируют ядро новой теоретико-методологической парадигмы, в которой экономический рост трактуется как управляемый, качественный и устойчивый процесс.

Для России особую значимость приобретают результаты систематизации современных моделей по принципу «ядро — оболочка — фильтры качества». Ядром выступают эндогенные факторы — человеческий капитал, инновации, НИОКР, цифровые технологии; институциональная «оболочка» определяет условия их реализации, а «фильтры качества» (экологическая устойчивость, социальная инклюзивность и цифровизация) обеспечивают ориентацию роста на долгосрочную эффективность и общественное благополучие.

Эмпирический анализ подтверждает, что российская экономика находится на этапе структурной адаптации, характеризующемся медленным, но устойчивым сдвигом в сторону сервисных и цифровых отраслей при сохранении ресурсной зависимости и технологической инерции. Доля высокотехнологичных и наукоемких производств в ВВП остается ограниченной, уровень инновационной активности — умеренным, а институциональные барьеры продолжают сдерживать рост производительности.

Вместе с тем наблюдаются позитивные тенденции: увеличение инвестиций в основной капитал, рост занятости и доходов населения, распространение цифровых технологий в бизнесе, а также постепенное укрепление исследовательской и инновационной инфраструктуры. Эти изменения формируют предпосылки для перехода от экстенсивного к инновационно-цифровому типу роста, основанному на интеграции человеческого, технологического и институционального потенциалов.

Таким образом, новая модель экономического роста для России должна базироваться на следующих принципах:

- приоритете инвестиций в человеческий капитал, науку и инновации;
- формировании эффективной институциональной среды, стимулирующей предпринимательство и технологическую модернизацию;
- интеграции цифровой и «зеленой» повесток в стратегию развития;
- ориентации на качество роста как критерий устойчивости и благополучия.

Реализация этих направлений позволит обеспечить переход к модели сбалансированного и инклюзивного экономического роста, способного сочетать повышение производительности с социальной справедливостью и экологической ответственностью.

Литература

1. Акаев А. А. Эпохальные открытия Николая Кондратьева и их место в современной экономической науке // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19, № 1. С. 11–39. DOI 10.31063. EDN BTFZKO
2. Бабаев Б. Д., Дубровский С. П. Экономический рост: расширенная трактовка. Качество экономического роста [Электронный ресурс] // *Экономика образования*. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-rost-rasshirennaya-traktovka-kachestvo-ekonomicheskogo-rosta> (дата обращения: 03.10.2025).
3. Базуева Е. В., Буторина О. В., Степаненко В. А. Человеческий капитал и неравенство: новые управленческие вызовы для экономики регионов России [Электронный ресурс] // *Проблемы развития территории*. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-i-neravenstvo-novye-upravlencheskie-vyzovy-dlya-ekonomiki-regionov-rossii> (дата обращения: 22.10.2025).
4. Бобылев С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития [Электронный ресурс] // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 3 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-ekonomiki-i-indikatory-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 21.09.2025).
5. Буянова М. Э., Аверина И. С. Современные теории экономического роста: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // *Вестник ВолГУ. Экономика*. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-ekonomicheskogo-rosta-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 21.09.2025).
6. Восканов М. Э., Байрамукова Ф. А., Хачиров Э. М. Концепция экономического роста: институциональный подход // *Креативная экономика*. 2024. Т. 18, № 10. С. 2553–2568. DOI 10.18334/ce.18.10.121770. EDN PKYFJN.
7. Дадшова Т. А. Диалектика понятий «Экономический рост» и «Экономическое развитие» [Электронный ресурс] // *Вестник ОмГУ. Серия: Экономика*. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-ponyatiy-ekonomicheskij-rost-i-ekonomicheskoe-razvitiye> (дата обращения: 03.10.2025).
8. Журавлев Д. М. Стратегирование цифровой трансформации сложных социально-экономических систем : монография / Д. М. Журавлев; под науч. ред. В. Л. Квинта. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2024. 352 с.
9. Зарубежнов Е. С., Коптелов И. О. Экономический рост и анализ развития страны через макроэкономические показатели // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 7 (417). С. 204–210. DOI 10.24411/1994-2796-2018-10725. EDN XZLBDF
10. Каменев И. Г. Может ли человеческий капитал быть источником инновационного развития в условиях трудodefицитности и санкций? // *Региональная экономика: теория и практика*. 2025. Т. 23, № 4. С. 166–180. DOI 10.24891/re.23.4.166. EDN DLAGAD
11. Комарова А. В., Павшок О. В. Оценка вклада человеческого капитала в экономический рост регионов России (на основе модели Мэнкью — Ромера — Уэйла) [Электронный ресурс] // *Мир экономики и управления*. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vklada-chelovecheskogo-kapitala-v-ekonomicheskij-rost-regionov-rossii-na-osnove-modeli-menkyu-romera-ueyla> (дата обращения: 09.10.2025).
12. Куличихина А. Л. Технологический суверенитет России: анализ инвестиций в НИОКР и патентной активности [Электронный ресурс] // *Вестник науки*. 2025. № 6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskij-suverenitet-rossii-analiz-investitsiy-v-niokr-i-patentnoy-aktivnosti> (дата обращения: 22.10.2025).
13. Мавланова У. Б. Влияние качества человеческого капитала на формирование инновационной экономики [Электронный ресурс] // *Проблемы современной науки и образования*. 2025. № 9 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kachestva-chelovecheskogo-kapitala-na-formirovanie-innovatsionnoy-ekonomiki> (дата обращения: 17.10.2025).
14. Матризаев Б. Д. Теория эндогенного роста: исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции в рамках отдельных макроэкономических парадигм и моделей экономического роста // *Теоретическая экономика*. 2024. № 8. С. 61–73.
15. Муллахмедова С. С., Шахпазова Р. Д., Саралинова Д. С., Омаров З. З. Модель экономического роста Р. Солоу: генезис теории и методологии [Электронный ресурс] // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2019. № 12 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ekonomicheskogo-rosta-r-solou-genezis-teorii-i-metodologii> (дата обращения: 21.09.2025).
16. Примышев И. Н. Факторы и современные модели экономического роста и развития [Электронный ресурс] // *Теоретическая экономика*. 2020. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-i-sovremennye-modeli-ekonomicheskogo-rosta-i-razvitiya>

- ru/article/n/factory-i-sovremennyye-modeli-ekonomicheskogo-rosta-i-razvitiya (дата обращения: 21.09.2025).
17. *Снитко Л. Т., Полянский А. А.* Человеческий капитал в системе интеллектуального потенциала региона: проблемы развития и научно-методические основы оценки // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2025. № 1 (110). С. 57–69. DOI 10.21295/2223-5639-2025-1-57-69. EDN AGNYZD
  18. *Сорокин Д. Е.* Переход к новой модели экономического роста: ориентиры и возможности [Электронный ресурс] // Научные труды Волного экономического общества России. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-novoy-modeli-ekonomicheskogo-rosta-orientiry-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 21.09.2025).
  19. *Усков В. С.* Развитие цифровой экономики России: факторы и региональные различия [Электронный ресурс] // Проблемы развития территории. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-tsifrovoy-ekonomiki-rossii-factory-i-regionalnye-razlichiya> (дата обращения: 22.10.2025).
  20. *Acemoglu D., Gallego F., Robinson J. A.* Institutions, Human Capital and Development // NBER Working Paper 19933. 2014. DOI <https://doi.org/10.3386/w19933>.
  21. *Chen Z., Xing R.* Digital economy, green innovation and high-quality economic development // International Review of Economics & Finance. 2025. Vol. 99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.104029>.
  22. *Grazini C., Guarini G., Porcile J. G.* Institutional change and ecological structural change // Structural Change and Economic Dynamics. 2024. Vol. 71. P. 354–368. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.08.004>.
  23. *Ibrahim M. D.* Efficiency and productivity analysis of innovation, human capital, environmental, and economic sustainability nexus: case of MENA countries // Environ Sci Pollut Res Int. 2023. DOI 10.1007/s11356-022-24494-4.
  24. *Lin X.* The impact of innovative human capital on green growth convergence in China's regions from the perspective of space // Heliyon. 2024. Vol. 10, N 15. DOI 10.1016/j.heliyon.2024.e34463.
  25. *Schumpeter J. A.* The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Moscow : Progress publ., 1982. 455 p.
  26. *Suhendra I., Istikomah N., Anwar C. J., Supriadi A., Wakhid A. A., Purwanda E., Salim A.* Influence of the digital economy on economic growth: empirical study of a region in Indonesia // Cogent Economics & Finance. 2025. Vol. 13, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2025.2457477>.
  27. *Yakovenko N. V., Semenova L. V., Nikolskaya E. Y., Semenova E. Y., Rakhimbekova Z. S., Karanashv A. K., Tsoy M. Y., Azarova N. A.* Innovative Development of Russian Regions: Assessment and Dynamics in the Context of Sustainable Development // Sustainability. 2024. Vol. 16. DOI: <https://doi.org/10.3390/su16031271>.
  28. *Zhang Q., Wu P., Li R., Chen A.* Digital transformation and economic growth Efficiency improvement in the Digital media era: Digitalization of industry or Digital industrialization? // International Review of Economics & Finance. 2024. Vol. 92. P. 667–677. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.08.004>.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Об авторе:

Бессонова Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики управления и аудита Юго-Западного государственного университета (Курск, Российская Федерация); bessonowa_new@mail.ru

References

1. *Akaev A. A.* Epochal discoveries of Nikolai Kondratiev and their place in modern economic science // AlterEconomics. 2022. Vol. 19, N 1. P. 11–39. DOI 10.31063. EDN BTFZKO (In Russ.).
2. *Babaev B. D., Dubrovsky S. P.* Economic growth: an expanded interpretation. Quality of economic growth [Electronic resource] // Economics of education [Ekonomika obrazovaniya]. 2015. N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-rost-rasshirennyaya-traktovka-kachestvo-ekonomicheskogo-rosta> (accessed: 03.10.2025). (In Russ.).

3. Bazueva E. V., Butorina O. V., Stepanenko V. A. Human Capital and Inequality: New Management Challenges for the Economies of Russian Regions [Electronic resource] // Problems of Development of the Territory [Problemy razvitiya territorii]. 2023. N 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-i-neravenstvo-novye-upravlencheskie-vyzovy-dlya-ekonomiki-regionov-rossii> (accessed: 22.10.2025). (In Russ.).
4. Bobylev S. N. New Economic Models and Indicators of Sustainable Development [Electronic resource] // Russia's economic revival [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2019. N 3 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-ekonomiki-i-indikator-ustoychivogo-razvitiya> (accessed: 21.09.2025). (In Russ.).
5. Buyanova M. E., Averina I. S. Modern theories of economic growth: a comparative analysis [Electronic resource] // Bulletin of VolSU. Economics [Vestnik VolGU. Ekonomika]. 2024. N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-ekonomicheskogo-rosta-sravnitelnyy-analiz> (accessed: 21.09.2025). (In Russ.).
6. Voskanov M. E., Bairamukova F. A., Khachirov E. M. Concept of economic growth: an institutional approach // Creative economy [Kreativnaya ekonomika]. 2024. Vol. 18, N 10. P. 2553–2568. DOI 10.18334/ce.18.10.121770. EDN PKYFJN (In Russ.).
7. Dadashova T. A. Dialectics of the concepts of “Economic growth” and “Economic development” [Electronic resource] // Bulletin of Omsk State University. Series: Economics [Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika]. 2017. N 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-ponyatiy-ekonomicheskoy-rosta-i-ekonomicheskoy-razvitiya> (accessed: 03.10.2025). (In Russ.).
8. Zhuravlev D. M. Strategizing the digital transformation of complex socio-economic systems : monograph / D. M. Zhuravlev; edited by V. L. Kvint. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2024. 352 p. (In Russ.).
9. Zarubezhnov E. S., Koptelov I. O. Economic Growth and Analysis of the Country's Development through Macroeconomic Indicators // Bulletin of Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2018. N 7 (417). P. 204–210. DOI 10.24411/1994-2796-2018-10725. EDN XZLBDF (In Russ.).
10. Kamenev I. G. Can Human Capital Be a Source of Innovative Development in the Context of Labor Shortages and Sanctions? // Regional Economy: Theory and Practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2025. Vol. 23, N 4. P. 166–180. DOI 10.24891/re.23.4.166. EDN DLAGAD (In Russ.).
11. Komarova A. V., Pavshok O. V. Assessing the Contribution of Human Capital to the Economic Growth of Russian Regions (Based on the Mankiw-Romer-Weil Model) [Electronic resource] // The World of Economics and Management [Mir ekonomiki i upravleniya]. 2007. N 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vklada-chelovecheskogo-kapitala-v-ekonomicheskoy-rosta-regionov-rossii-na-osnove-modeli-menkyu-romera-ueyla> (accessed: 09.10.2025). (In Russ.).
12. Kulichikhina A. L. Technological Sovereignty of Russia: Analysis of R&D Investments and Patent Activity [Electronic resource] // Science Herald [Vestnik nauki]. 2025. N 6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskoy-suverenitet-rossii-analiz-investitsiy-v-niokr-i-patentnoy-aktivnosti> (accessed: 22.10.2025). (In Russ.).
13. Mavlanova U. B. The Influence of the Quality of Human Capital on the Formation of an Innovative Economy [Electronic resource] // Problems of modern science and education [Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya]. 2025. N 9 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kachestva-chelovecheskogo-kapitala-na-formirovanie-innovatsionnoy-ekonomiki> (accessed: 17.10.2025). (In Russ.).
14. Matrizayev B. D. Endogenous Growth Theory: A Study of Historical Prerequisites and Retrospective Features of Evolution within Individual Macroeconomic Paradigms and Models of Economic Growth // Theoretical Economics [Teoreticheskaya ekonomika]. 2024. N 8. P. 61–73. (In Russ.).
15. Mullakhmedova S. S., Shakhpazova R. D., Saralinova D. S., Omarov Z. Z. R. Solow's Economic Growth Model: Genesis of Theory and Methodology [Electronic resource] // Regional problems of economic transformation [Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki]. 2019. N 12 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ekonomicheskogo-rosta-r-solou-genezis-teorii-i-metodologii> (accessed: 21.09.2025). (In Russ.).
16. Primyshev I. N. Factors and Modern Models of Economic Growth and Development [Electronic resource] // Theoretical Economics [Teoreticheskaya ekonomika]. 2020. N 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-i-sovremennye-modeli-ekonomicheskogo-rosta-i-razvitiya> (accessed: 21.09.2025). (In Russ.).
17. Snitko L. T., Polyansky A. A. Human capital in the system of intellectual potential of a region: development problems and scientific and methodological foundations of assessment // Bulletin

- of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law [Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava]. 2025. N 1 (110). P. 57–69. DOI 10.21295/2223-5639-2025-1-57-69. EDN AGNYZD (In Russ.).
18. Sorokin D. E. Transition to a New Model of Economic Growth: Guidelines and Opportunities [Electronic resource] // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-novoy-modeli-ekonomicheskogo-rosta-orientiry-i-vozmozhnosti> (accessed: 21.09.2025). (In Russ.).
  19. Uskov V. S. Development of the digital economy of Russia: factors and regional differences [Electronic resource] // Problems of development of the territory [Problemy razvitiya territorii]. 2024. N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovoy-ekonomiki-rossii-factory-i-regionalnye-razlichiya> (accessed: 22.10.2025). (In Russ.).
  20. Acemoglu D., Gallego F., Robinson J. A. Institutions, Human Capital and Development // NBER Working Paper 19933. 2014. DOI: <https://doi.org/10.3386/w19933>.
  21. Chen Z., Xing R. Digital economy, green innovation and high-quality economic development // International Review of Economics & Finance. 2025. Vol. 99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.104029>.
  22. Grazini C., Guarini G., Porcile J. G. Institutional change and ecological structural change // Structural Change and Economic Dynamics. 2024. Vol. 71. P. 354–368. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.08.004>.
  23. Ibrahim M. D. Efficiency and productivity analysis of innovation, human capital, environmental, and economic sustainability nexus: case of MENA countries // Environ Sci Pollut Res Int. 2023. DOI 10.1007/s11356-022-24494-4.
  24. Lin X. The impact of innovative human capital on green growth convergence in China's regions from the perspective of space // Heliyon. 2024. Vol. 10, N 15. DOI 10.1016/j.heliyon.2024.e34463.
  25. Schumpeter J. A. The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Moscow: Progress publ., 1982. 455 p.
  26. Suhendra I., Istikomah N., Anwar C. J., Supriadi A., Wakhid A. A., Purwanda E., Salim A. Influence of the digital economy on economic growth: an empirical study of a region in Indonesia // Cogent Economics & Finance. 2025. Vol. 13, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2025.2457477>.
  27. Yakovenko N. V., Semenova L. V., Nikolskaya E. Y., Semenova E. Y., Rakhimbekova Z. S., Karanashv A. K., Tsoy M. Y., Azarova N. A. Innovative Development of Russian Regions: Assessment and Dynamics in the Context of Sustainable Development // Sustainability. 2024. Vol. 16. DOI: <https://doi.org/10.3390/su16031271>.
  28. Zhang Q., Wu P., Li R., Chen A. Digital transformation and economic growth Efficiency improvement in the Digital media era: Digitalization of industry or Digital industrialization? // International Review of Economics & Finance. 2024. Vol. 92. P. 667–677. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.08.004>.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

About the author:

Elena A. Bessonova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Management and Audit at South-Western State University (Kursk, Russian Federation); bessonowa_new@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.10.2025
 Поступила после рецензирования: 10.12.2025
 Принята к публикации: 12.01.2026

The article was submitted: 31.10.2025
 Approved after reviewing: 10.12.2025
 Accepted for publication: 12.01.2026

© Бессонова Е. А., 2026